

«Ни шагу назад!»

Никто не считал количество ветеранских плевков в телевизор

Евгений ТЯПКОВ

Коренной магнитогорец, металлург-доменщик. Занимается в литературном объединении «Магнит» при газете «Магнитогорский металл». Публиковался в коллективном сборнике «Откровения», подготовил к печати отдельный сборник рассказов.

Бабушкина тайна

В нашем городе по улице Строителей стоят немецкие дома. Их еще пленные немцы строили. В один из этих домов меня принесли из роддома. Мы тогда жили там. Помню, что кровать моя стояла у окна. Еще помню, как однажды ночью я проснулся Тихо, все спят, только ходики на стене тикают. Я смотрю на окно. Оно было синее, видно, светало уже.

Бабка моя любила меня жутко. Вот так, бывало, сидит, смотрит на меня и молчит. Я уж говорю ей:

— Баба, ты что?

А она:

— Да ничего.

А однажды достала что-то из ящика комода и тихонько подозвала меня.

— Че, бабуль?

А у нее тайна была в платочке завернута. Разворачивает, а там — ложечка. Обыкновенная, чайная.

Я взял посмотреть. Ух, ты! На ней было написано: Berlin 1939, и рядом фашистский знак в кружочке.

— Ты что, бабка, сдурела?! Откуда это, сознавайся?

Потом бабка рассказывала. В войну она была еще молода. Дед мой тогда в сталинских лагерях сгинул. Осталась бабка с тремя детьми одна. Время было голодное. Накопала она как-то по осени со своего огорода два мешка картошки. Собралась было их домой утащить, а тут идут со стройки двое немцев, что дома строили. Предложили вроде как помочь ей, взяли мешки да и были таковы. Вот такая беда. Бабка тогда чуть в петлю не полезла. Только, говорит, из-за детей и осталась жить.

После войны всех пленных стали выселять домой. Как-то вечером к бабке пришел один из тех немцев, что увели у нее мешки. Он принес бабке мешок картошки и извинился. Ну, бабка возьми и пригласи его «на чай». Ушел он только под утро и в тот же день уехал к себе в Германию.

Перед уходом он подарил бабушке чайную ложечку. Сказал, что больше у него ничего нет. Эту ложечку он взял из дома перед тем как уйти на фронт. Всю войну и весь плен она была с ним, как память о доме.

Моя бабка давно померла, а ее ложечка осталась. Лежит на кухне в столе, никому не нужная. Иногда кто-нибудь берет ее размешать варенье или сахар в стакане с чаем. А бывает, что она просто валяется в раковине с немойтой посудой.

Пулеметчик Сытин

— Где мать-то твоя шляется? Неделю уж, как не видать, — спрашивал старик у мальчонки, заваривая чай в старой металлической кружке с отбившейся эмалью.

— Не знаю, — хныкал тот. — Пойдем, деда, за бутылками, хлеба купим, а? — тянул он за руку старика.

Каждый день при любой погоде старика и мальчика можно было видеть у торговых ларь-

ков. Здесь они промышляли пустыми пивными бутылками.

Обычно, увидев кого-либо пьющего из горлышка, дед подсылал к нему мальчишку. Тот терпеливо ждал, пока опорожнится бутылка, и приносил ее в дедову холщовую сумку. Случалось, что бутылку, не отдавая, разбивали. Старик очень сердился на это.

— Что ж ты делаешь, идиот? — тихо ругался он себе под нос.

Старик уже давно был зол на весь мир, и желаний ему никаких не желалось. Разве только чтоб пенсию вовремя приносили. «За что воевал? За пустые бутылки? Мы вон какую страшную войну с фашистом выиграли! А как же иначе? Хочешь не хочешь, а деваться было некуда. Приказ Верховного Главнокомандующего, товарища Сталина, № 227. «Ни шагу назад!» А теперь что? Тыфу, мать их!» — бурчал дед, разговаривая то ли с мальчишкой, то ли с самим собой. Как и все старики, он уже давно жил памятью о прошлом:

— Да, отступить было некуда. Сзади Родина и мы — заградительный отряд НКВД. Войск тьма-тьмущая, с одной винтовкой на троих. Как в наступление идут, то орут: «Ура! За Сталина!» А наш отряд позади всегда. Я был при новеньком, пахнущем маслом, пулемете Дегтярева. Так и хотелось нажать на курок. На мне тогда лежала большая ответственность, чтобы это орудие было отступить не вздумало. Помню моего первого изменника. Он назад побег. «Врешь, не уйдешь!» — срезал его. Он, оказывается, валенок в снегу потерял и вертелся за ним. А мне все одно — изменник! Наступай бойсиком. Мне что ли за тебя в атаку идти, сволочь? Вот так и били мы немца. Нелегко досталась нам Победа! Награды Родины имею, вот только пенсия маловата. За что воевал, за что жизнь отдавал на фронте? Знал бы, повернул пулемет на вас, дерьмо!

После войны Сытин остался в «органах» и дослужился до начальника ИТК строгого режима. Однако страдал болезнями и досрочно вышел на пенсию по инвалидности.

— Ты, внучек, как подрастешь, в «органы» иди работать. Работы хватит. Россия богата быдлом. В этом ее великость. Ежели его сапогом в нужное русло вгонять, то опять сверхдержавой станем. Бандитам с их деньгами не завидуй. Тюрьма по ним плачет. Ты в «органах» больше набандитничать сможешь. Бандиты ментов боятся. А тут ты сам — мент. Власть! Любому можешь в морду дать, любую бабу можешь за ж... взять. Раздолье! Запомни, лучше быть вертухаем на вышке, чем авторитетом на нарах. Ты его всегда можешь убить и будешь прав! Может, у него и деньги большие, но последнее слово за тобой. А лучше и деньги возьми, и его убей, чтобы потом жить не мешал. Стремись, внучек, всегда к высшей власти. Неважно, коммунисты они или демократы. Мы, русские, почему великий народ? Потому, что нам сам бог нипочем! Хотим — перекрестимся, а хотим — и в храме нагадим. Ничего, живем с божьей помощью и пустыми бутылками.

Мальчишка подошел к мужчине, пьющему пиво, и стал ждать, когда он опорожнит бутылку. Тот дал ему из кошелька мелкие деньги и, запрокинув голову, продолжил пить. Мальчик

осторожно вытащил кошелек, торчавший у того из кармана, дождался бутылки и убежал.

— Деда, я кошелек нашел! — тихо сказал он старику, оглядываясь кругом.

— Где нашел?

— Там, — махнул мальчишка рукой в толпу.

Они отошли в сторону, и старик быстро пересчитал содержимое кошелька.

— Ну, Ивашка, тут нам на всю зиму хватит! — сдерживая радость, сказал он.

Выбросив пустой кошелек в урну, старик с мальчиком заспешили домой.

— Деда, а купим большую фанту?

— Купим.

— А сникирс?

— Купим.

— Два? — показал мальчик два пальца.

— Да хоть три.

В магазине они набрали полную тележку продуктов. Все в их холщовую сумку не помещалось из-за лежащих в ней нескольких грязных бутылок.

— Ну-ка, поди, выбрось их на улицу, — просил старик мальчишку.

— Зачем, деда, мы их лучше сдадим!

— Кому сказал?! — прикрикнул Сытин.

Дома они устроили себе маленький праздник!

— Я пойду схожу к деду Андрею, — сказал дед мальчишке.

— Я тоже хочу!

— Ты будь дома, вдруг мамка придет, а у нее ключей нет.

Сунув в карман своего пальто бутылку водки, старик ушел.

Дед Андрей — герой Сталинграда — жил в соседнем доме. Сытин в войну тоже был под Сталинградом, только об этом никогда никому не рассказывал.

День победителей

В день Победы с утра шаркали ногами, подолгу брились, ворча на отсутствие горячей воды, гладили брюки, просматривали начало парада по черно-белым телевизорам, но неизменно собирались у Сидорыча. У него был цветной немецкий «Грюндиг» — подарок дочери к юбилею. Трое ветеранов прошлой войны доставали нафталиновые пиджаки с орденами, и каждый свою припрятанную «беленькую».

— Что у тебя, опять картошка с капустой? — ворчал Иваныч. — Режь сало, я бутылку принес.

Сидорыч резал сало, куда ж деваться, раз бутылка! Да не одна!

— А селедку еще порежу! И на твою любимую «ливерку» потратился! — добавлял настроения Сидорыч. — У меня тут тоже у холлодильничке «запотелая» дожидается! Шас мы ее, заразу, «под трибунал» пустим! А, Иваныч?! Где ты там?

Все выкладывалось на стол.

Выпивали. Кушали. Иваныч крутил в руках «заморский» пульт телевизора.

— Я за Сталина в атаку шел!

— И я шел. А отец мой на кой хрен в лагерях сгинул? Так-то оно, брат. Никто еще не считал количество ветеранских плевков в телевизор.

— Да, плюнь ты, Иваныч, — успокаивал его Сидорыч. — Наливай лучше!

— Знаешь, Сидорыч, страх нищеты при нынешней «демократии» преследует не меньше, чем страх ночного ареста при Сталине. Как с этим жить? Я устал. А ты?

— Да плевать я на все хотел!

На этом «торжественная» часть оканчивалась, доставали гармошку.

Пели, пили, закусывали. Пели обычно «Прощай любимый город», «Цыганку-молдаванку» и популярную на фронте «Гоп со смычком».

Плохо, что бабок не было. Ушли старушки в

пожелтевшие фотографии невест на выцветших стенах.

— Иваныч, а почему нынче в деньгах орден Славы идет?

— А че тебе?

— Да так.

— Смотри как попадешь. Вон Лукич за «Красную звезду» три штуки взял. А у тебя «Отечественная война». Не прет она. А «Славу» я тебе не позволю продавать, сразу морду набью.

— А тебя не спросил, хрен старый, — вздыхал Сидорыч.

Орден Славы он получил за три подбитых немецких танка под Москвой. Иваныч тогда и выволоч его, раненого, с поля боя.

Чувство юмора

В войну дело было. На узком участке фронта в ночь на немецкое Рождество поползли мы с Витьком к фашистским окопам в разведку. Немцы нас обнаружили у себя под носом и открыли шквальный огонь. Мы скастились в ближайшую воронку. И ни назад тебе, и ни вперед — носа не высунешь. А немцы гогочут, празднуют. Метров двадцать от нас, все слышать.

Мы с Витьком стали подмерзать. Но это не пугало. У каждого из нас была фляжка со спиртом. Мы начали поочередно прикладываться к Витькиной и вскоре окосели. Запустил я к нем-

цам в окоп гранату, не выдернув кольца. Забыл.

— Урод, — сказал мне Витек, — сейчас они забросят нам ее без кольца — Ложись! Каску надень, скотина!

Из немецкого окопа действительно прилетела граната. Но не наша, а ихняя.

Чтобы она взорвалась, на ней нужно было повернуть рукоятку. Немцы не повернули. С чувством юмора оказались.

Вслед за гранатой прилетела бутылка вина. Конечно же, отравлена!

Откупорили.

— А, была не была! — сказал Витек и глотнул из «горла».

Распили. Оказалось — не отравлена.

— Мож, им закинуть фляжку спирта? — предложил я.

— Дурак что ли? Сами выпьем! Пойду-ка я с ними лучше побазарю «за жисть», — расхрабрился пьяный Витек.

— Окстись, убьют ведь тебя!

— Не убьют, они ведь тоже люди!

Немцы прошли Витьку пулеметной очередью на моих глазах.